

Некоторые аспекты социальной ситуации русского меньшинства в Литовской Республике (1918–1940)

Андрюс Марцинкявичюс

Институт социальных исследований, Литва

Введение

Актуальность анализа аспектов социального развития русского меньшинства в Литве в 1918–1940 гг. обусловлена рядом мотивов. Один из самых элементарных – относительно слабая изученность этой темы в литовской историографии. Следует заметить, что в большинстве исследований, опубликованных в Литве после провозглашения ее независимости в 1990 году, особенности общественной ситуации русских в период 1918–1940 гг. чаще всего связываются с деятельностью интеллигентов. Преобладание такой тенденции отчасти можно объяснить объективными причинами, поскольку интеллигенция фактически воплощает образ наиболее активного сегмента русского меньшинства Литвы, который оставил особенно яркий след в области культуры и науки.

Однако вне интересов научных исследований осталась «невидимая» часть русской общественности, к которой следует причислить представителей других социальных групп (например, земледельцы, пролетариат, духовенство и др.), проявивших себя в общественном секторе Литовского государства в меньшей степени, чем интеллигенция. Весьма вероятно, что отсутствие заинтересованности в изучении подобной тематики в литовской историографии можно объяснить относительно фрагментарной ролью русских как интегрального субъекта в общественной жизни Литвы. Возможно, в этом факторе отчасти заключаются причины, почему русские реже представителей других национальностей становятся объектом компаративистских исследований по истории этнических меньшинств нашей страны. Однако при построении полноценной модели социальной ситуации русского меньшинства в 1918–1940 гг. следовало бы подчеркнуть, что по актуальности анализ аспектов деятельности «невидимых» сегментов (например, ситуация русских крестьян в аграрном секторе или конкуренция торговцев на рынке страны и пр.) – не менее важный элемент исследования, нежели соответствующая оценка деятельности русских уче-

ных в Каунасском университете Витаутаса Великого или русской творческой интеллигенции – в Государственном театре временной столицы Литвы.

Осуществление подобной исследовательской интенции на практике осложнено недостатком базы эмпирических данных, что ограничило и попытку автора этой статьи реконструировать главные черты социальной сегментации и социального статуса русских, а также определить направления общественной интеграции русского меньшинства. Это исследование отражает *status quo* анализируемой темы в литовской историографии, однако автор стремился в то же время найти опорные точки для научного развития историко-социальной проблематики, связанной с русскими Литвы, в ближайшей перспективе. Такое развитие скорее всего могло бы способствовать ревизии в будущем уже существующих в литовской историографии положений, а также выдвигению новых тезисов и идей.

Следует отметить, что в научных исследованиях, посвященных историческому прошлому русских в странах Восточной Европы, как правило, важен компаративный аспект. Поэтому и изучение тематики этой статьи весьма актуально для обобщения тенденций социальной интеграции русского меньшинства в более широком региональном контексте. Под определением «контекста» имеются в виду независимые государства, образовавшиеся после Первой мировой войны на западных территориях бывшей Российской империи (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва). В этом регионе люди русского происхождения в период 1918–1940 гг. столкнулись с существенными изменениями их общественного и социального статуса. Именно анализ содержания таких изменений способствовал бы систематическому раскрытию сходства и различий в историческом процессе социальной интеграции русских во всех упомянутых странах.

В современных исторических исследованиях прошлого этнических групп Литвы остается актуальным аспект связи между объектом и методологией исследования. Возникает вопрос, пригодна ли укоренившаяся парадигма историзма (или историцизма) для исследований социальной проблематики Литвы? Опыт развития исторической науки в Западной Европе дает повод предположить, что в Литве тоже неизбежен своеобразный сдвиг от традиционной политической к интегральной социальной истории. Последняя, по мнению А. Бумблаускаса, «меняя объект исследования, переходя от традиционной политической историографии и истории государства к истории общества, была вынуждена отказаться от традиционного примата истории внешней политики (господствовавшего во времена Л. фон Ранке) и обратиться к акцентированию внутренней политики (Х. У. Велер), а также к анализу социальных и политических структур. Она была вынуждена отказаться и от объекта традиционной социальной

истории (в узком смысле этого понятия) – описания институционализированных слоев общества – и приняться за анализ выявившейся в новейшие времена сложной социальной стратификации» (Bumblauskas 2006: 17).

Итак, парадигма историзма по существу вряд ли подходит для подробного изучения сегментарного общества. Такого мнения придерживается один из самых известных критиков этой парадигмы К. Р. Поппер, указывающий на ограниченность объекта исследований истористов. Они интересуются не аспектами общественной жизни, а развитием общества как целого. Поэтому К. Р. Поппер противопоставляет холистической последовательную инженерию, представитель которой, по его словам, «даже если он лелеет некоторые идеалы, касающиеся общества как целого – например, его благосостояния, – он не верит в перестройку общества как целого». К. Р. Поппер также отвергает один из основных постулатов истористов – закономерность, выдвигая взамен этого аргумент, что невозможно перестроить общество по определенному плану или схеме (Поппер 1993: 78, 81).

Альтернатива упомянутой парадигме заключается в принципе пост-исторической историографии, который, по утверждению З. Норкуса, редко эксплицитно формулируется, но фактически определяется учеными как «актуализм – путь понимания прошлого через настоящее», поэтому, «постисторическая историография – это модернистская историография, познающая прошлое посредством методов, понятий и теорий, в которых закодирована онтология социальной модерности» (Norkus 1996: 161).

Еще П. Л. Бергер подчеркивал, что «здоровый смысл вводит нас в заблуждение, заставляя думать, будто прошлое неизменно, неподвижно и постоянно в противоположность вечно меняющемуся потоку настоящего». Следовательно, прошлое определяется как основанная на современных актуалиях реконструкция, так как «вспоминая прошлое сегодня, мы реконструируем его в соответствии с нашими нынешними представлениями о том, что важно, а что неважно» (Бергер 1996: 42).

Оценивая степень изученности интересующей нас темы в литовской историографии, следует отметить, что в научных исследованиях литовских ученых остаются важными два приоритета: 1) выявление социальной структуры русского меньшинства и определение тенденций коэкзистенции сегментов этой структуры; 2) идентификация роли русских в историко-социальном контексте общества Литвы. Соблюдение этих приоритетов создало бы благоприятные условия в будущем для построения детальной модели социального состава русского меньшинства, а также для определения особенностей практики и общественного проявления отдельных социальных групп в процессе их индивидуальной и коллективной адаптации в период 1918–1940 гг.

Цель настоящей статьи – наметить базовые вехи для более подробного исследования аспектов социальной и общественной ситуации русского меньшинства в Литве в 1918–1940 гг. Следует отметить, что всесторонний анализ этой тематики трудно уместить в ограниченной по объему статье, поэтому ее автор основное внимание уделяет анализу конкретных проблем, а не широкому нарративному изложению. Исследуются менее освещенные в литовской историографии факторы, которые в значительной степени предопределили особенности социальной структуры русского меньшинства после Первой мировой войны, влияли на характер социальной интеграции в общество Литвы отдельных сегментов этого меньшинства, а также обусловили ход политической консолидации русской общины. Автору пришлось отказаться от анализа проблемы просвещения, поскольку из-за требований объема к статьям освещение этого аспекта, вероятно, было бы слишком декларативным. Следует также отметить, что предназначение этой статьи, прежде всего, связано с актуализацией исследуемой темы в литовской историографии, однако более подробное развитие этой темы и обобщение данных – задача будущих исследований.

Источники и историография

Публикации периодических изданий (*Эхо*, 1920–1940; *Вольная Литва*, 1921–1922; *Новые Дни*, 1935–1938) являются одним из самых информативных источников, отражающих перипетии русской общественной (отчасти и социальной) жизни в независимой Литве. С другой стороны, постоянная нужда в материальных ресурсах определила ориентацию русской печати на более широкий спектр известий, чем освещение исключительно русских национальных интересов. Редактор А. Бухов в первом номере газеты *Эхо* декларировал задачу «быть литовской газетой и сделаться близкой тем читателям, которые лишены возможности пользоваться другим языком, кроме русского» («Наши задачи» 1920). Интенсивность выражения русских в печати часто зависела от личной инициативы представителей интеллигенции или общественных организаций. Поэтому в большинстве изданий того времени основное место занимают актуалии деятельности русских, живших во временной столице Литвы Каунасе¹. В то же время фрагменты жизни региональных русских общин освещались значительно меньше.

¹ Каунас стал временной столицей Литовской Республики, когда в октябре 1920 г. польские отряды под руководством генерала Л. Желиговского заняли город Вильнюс и Вильнюсский край. В марте 1922 г. этот регион усилиями Польского правительства был присоединен к Польской Республике и принадлежал ей до сентября 1939 г.

Содержание главного статистического источника нашего исследования, т. е. Первой всеобщей переписи жителей Литвы 17 сентября 1923 г., отражало преобладавшие в стране демографические тенденции, а также фиксировало данные о социальной занятости и грамотности разных этнических групп. Однако недостаток аналогических данных об обществе Литвы 1930-х годов (следующая перепись не проводилась до 1940 г.) осложняет возможность более подробного определения изменений, произошедших за последующие 10–15 лет. Для анализа отдельных аспектов русской общественной деятельности (например, занятости на государственной службе, участия в выборах в Сейм) полезными оказались данные из правительственного статистического издания *Lietuvos statistikos metraštis* (1928–1940).

История этнических меньшинств в Литве стала объектом научных интересов только после 1990 года, когда в академических учреждениях страны сложились благоприятные условия для исследования тематики, запрещенной в советский период. Автор данной статьи не выдвигает себе цели подробно обобщить отражение упомянутой проблематики в литовской историографии, а ограничивается лишь упоминанием главнейших исследовательских направлений и публикаций.

Следует отметить, что за последние 15 лет инициатива в этой сфере (за исключением, может быть, евреев) чаще всего принадлежала ученым, относящимся к различным этническим меньшинствам Литвы, у которых, вероятно, было и чувство дополнительной мотивации к подобного рода исследованиям (Т. Байрашаускайте, К. Фиркавичюте, Н. Касаткина, П. Лавриненц, Г. Поташенко и др.), а также культурным организациям меньшинств (например, Русский культурный центр в Вильнюсе). На академическом уровне постепенно сформировалась группа историков-литовцев, изучающих различные аспекты истории этнических меньшинств (Л. Труска, С. Каубрис, А. Моркунайте-Лазаускене, В. Сирутавичюс и др.).

Однако более исчерпывающие исследования модели гражданского общества Литвы 1918–1940 гг. (например, этносоциальная стратификация общества, коэзистенция социальных групп) по существу относятся к еще не раскрытым страницам социальной истории Литвы. Необходимость проведения подобных исследований отчасти отражается в заявленных долгосрочных приоритетах некоторых научных заведений (например, программа института истории Литвы на 2001–2010 гг. «Недоминирующие общества Литвы в XIX в. и в первой половине XX в.»).

Наиболее солидные шаги по актуализации общественной ситуации русского меньшинства Литвы в 1918–1940 гг., особенно ее социальных аспектов, предприняты в области социологических исследований. Они связаны, в частности, с диссертационным исследованием и работами, опубликованными в различных научных изданиях Литвы и других стран Н. Ка-

саткиной. В них подробно анализируется процесс адаптации русской интеллигенции. Следует отметить, что дополнительную оригинальность исследованиям Н. Касаткиной, несомненно, придает применение биографического метода, который позволил автору значительно расширить пределы традиционной эмпирической базы (Kasatkina 1996, 1997, 2001).

С другой стороны, в большинстве опубликованных в Литве работ просматривается следующая тенденция: проблематика общественной самореализации и социального статуса русского меньшинства в 1918–1940 гг. лишь фрагментарно отражается в контексте иной тематики. За последние годы особенно много внимания уделялось прошлому церкви и религиозных групп, которые в Литве традиционно считаются русскими. Результаты изучения истории, культуры и традиции старообрядчества отражаются в серии работ Г. Поташенко (2001, 2003 и др.). Специфика положения Православной Церкви в Литве в разные периоды XX века обобщены в статьях и монографиях А. Марцинкявичюса и С. Каубриса (Marcinkevičius, Kaubrys 2003), Р. Лаукайтиса (Laukaitytė 2003). Можно также упомянуть статью В. Серапина (электронный ресурс, без даты опубликования) и краеведческие работы Г. Шлевиса (2003, 2006).

Различные фрагменты культурного наследия русских в Литве (главным образом через призму филологических исследований), биографические очерки о жизни деятелей литературы и искусства представлены в работах П. Лавринца. Культурной жизнью и общественной деятельностью русского меньшинства в статьях описательного характера интересовались В. Агафонова (1994) и А. Ковтун (2003). Заслуживают внимания сборники статей, посвященные проблематике общественной и культурной интеграции русских в Литве и других странах Балтии (*Русские Прибалтики* (1997), *Русские в Литве* (2001), *Lietuvos tautinės mažumos: kultūros paveldas* (2001), а также периодическое издание *Балтийский архив* (издается с 1996 г.). В последнем издании особенно много места уделяется публикации письменных источников русской культуры и анализу их содержания.

До сего времени в литовской историографии недостает синтетического издания, в котором были бы обобщены существенные аспекты роли русского меньшинства в политической, экономической, социальной и культурной жизни Литвы в 1918–1940 гг. В этой сфере опыт ученых соседних стран Балтии является более осязаемым, так как здесь осуществлены довольно солидные исследования по разного рода деятельности местных русских общин в упомянутый период. Например, в Латвии опубликована монография Т. Фейгмане (2000), а в Эстонии – коллективная работа под редакцией С. Исакова (2001). Эти публикации могли бы отчасти послужить своеобразным ориентиром для появления в ближайшей перспективе подобного исследования в Литве.

Русское меньшинство в социальном контексте литовского общества

Идентификация основных тенденций социальной интеграции русского меньшинства в Литве в 1918–1940 гг. тесно связана с анализом факторов, влиявших на этот процесс. Автор статьи выделил бы три типа таких факторов. К первому типу следует причислить миграционные процессы, которые влияли на черты численного и социального состава русских в Литве в разные исторические периоды. Воздействие факторов второго типа – политических и юридических – отражалось на социальном развитии многих этнических групп Литвы. Оно также обусловило значительные изменения социального статуса различных сегментов общества страны и предопределило существенные перемены в отношениях между этносоциальными группами (особенно между титульной нацией и этническими меньшинствами). Факторы третьего типа связаны с уровнем способностей и мотивации представителей русского меньшинства (или недостатком этих свойств) интегрироваться в социальный контекст литовского общества. Далее в статье анализируется содержание каждого типа факторов более подробно.

Один из основных факторов, воздействие которого сказалось на численности, социальном составе и характере общественной деятельности этнической группы русских, была эвакуация в начале Первой мировой войны имперской армии и значительной части жителей из так называемых литовских губерний (Ковенской, Виленской и Сувалкской) в центральные регионы Российской империи. Следует отметить, что недостает подробных данных о демографическом движении разных этнических групп в Литве в период 1914–1918 гг. Это обстоятельство также затрудняет возможность точного определения количественных изменений, происшедших в то время в русской общине. Первая всеобщая перепись населения Литвы 1923 г. (далее – перепись 1923 г.) зафиксировала на территории страны (без Вильнюсского и Клайпедского края) 50 460 русских, которые составляли 2,49% всего населения страны (*Lietuvos gyventojai 1923: XXXIV*). Для сравнения: по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., только в Ковенской губернии проживали 72872 русских, составивших 4,72% всего населения (Первая всеобщая перепись... 1904: X). По подсчетам Л. Труски, на территории будущей независимой Литвы (т. е. в Ковенской губернии, в пяти уездах Сувалкской и в трех уездах Виленской губернии) процент русских жителей в 1897 г. достигал 14,6% (Truska 1996: 22). Однако какие количественные изменения произошли конкретно в русской общине после 1918 года, осталось необобщенным (скорее всего, из-за недостатка данных) даже в одном из новейших изданий по демографической истории населения Литвы (*Vaitekūnas 2006*).

Сомнительно и то, что существует возможность точно определить, в каких количественных масштабах последствия эвакуации сказались после Первой мировой войны на составе отдельных этносоциальных групп жителей Литвы. Поэтому и в случае русского меньшинства приходится ограничиться лишь выявлением основных тенденций. Уже современники наиболее ощутимые численные утраты связывали с отъездом в Россию значительной части русского чиновничества, интеллигенции и офицерства (Тыминский 1931: 2), но весьма вероятно, что подобного рода изменения произошли и в составе других социальных групп. Также можно предположить, что, с точки зрения пропорционального распределения, эвакуация представителей армии и бюрократии способствовала укреплению доминирующей роли крестьянского слоя в русском меньшинстве в период 1918–1940 гг.

Другой не менее важный фактор – массовая (белая) эмиграция русских из Советской России в разные страны Европы и других континентов мира после Октябрьского переворота (1917 г.) и гражданской войны (1918–1920 гг.). Литва для большинства белых эмигрантов стало временным убежищем по пути в более крупные очаги русской эмиграции (например, во Франции, Германии, Чехословакии). Количество оставшихся в Литве русских не было столь значительным, чтобы могло компенсировать демографические утраты, постигшие общину в период эвакуации. До сих пор в литовской историографии не определено точное число белых эмигрантов, прибывших в Литву после 1918 года. Между тем историк русской культуры М. Раев в своем труде насчитывает их около пяти тысяч, но эта цифра является гипотетической и не обоснованной результатами научных исследований (Раев 1994: 261). Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что мигранты этой категории, с точки зрения оседлости по месту жительства, были одним из самых непостоянных сегментов русского меньшинства. По всей вероятности, их численность в Литве до 1940 г. менялась довольно динамично.

Важность влияния исторических миграционных процессов для формирования русской общины в Литве отметила в своих трудах Н. Касаткина. Она установила всего 4 миграционных потока русской эмиграции в Литву: 1) мигранты в Великое княжество Литовское до XVII века; 2) поток старообрядцев (XVII в.); 3) поток колонистов (XIX в.) и 4) революционная (или белая) эмиграции из России после 1917 г. (Касаткина 1997: 60–61). Хотя подобное распределение мигрантов является условным и остается объектом дискуссии, важно констатировать другое: автору удалось актуализировать аспект гетерогенности состава русского меньшинства. По этой же причине в исследованиях аспектов социальной интеграции русских следует принять во внимание, что русские иммигранты различались по мотивам своего приезда в Литву, а также по уровню об-

разования и профессиональности, гражданского сознания, материального благосостояния и пр. По утверждению Н. Касаткиной, «среди прибывших после 1917 г. значительно благоприятнее оценка государственности Литвы, чем среди мигрантов 3-го потока, т. е. живущих более продолжительное время». По этой причине среди мигрантов XIX века была более распространена оценка Литвы как «бывшей провинции империи», а среди представителей пореволюционного потока – как независимого государства (Касаткина 1997: 62). Наличие такой дифференциации обусловило то, что перспектива социального положения русских в контексте тогдашнего общества Литвы во многом зависела от их способностей проявить внешнее сплочение, особенно в рамках гражданской консолидации.

Восстановление государственности Литвы, изменение политического строя страны и социальной структуры ее общества стали важными факторами политико-юридического характера, а также своеобразным вызовом самореализации для русских из разных слоев. Следует отметить, что русские стали одной из двух этнических групп Литвы (другая – литовцы), претерпевших особенно радикальные метаморфозы своего общественного положения после Первой мировой войны. Суть этих изменений заключалась в превращении литовцев в титульную нацию, а русских (не по собственной воле) – лишь в одно из равноправных этнических меньшинств страны. Этот факт свидетельствовал об утрате русскими исключительного социального статуса, который им до войны гарантировали приоритеты национальной политики правительства Российской империи в так называемом Северо-Западном крае. В этом отношении последствия укрепления государственности Литвы для других этнических меньшинств означали более умеренное изменение их общественной роли. Кроме того, русские более чувствительно пережили этап поиска политической и социальной идентичности в новом общественном контексте. Перед частью из них встала дилемма политического самосознания, которая заключалась в балансировании русских на грани чувства «своих» и «чужаков». Переменчивость подобных настроений метко характеризовал А. Тыминский, увидевший в ситуации многих русских игру судьбы: «беженцами ушли в далекую и вместе с тем близкую прародину, возвращались в родные места, ставшие как бы чужими» (Тыминский 1931: 2). В 1921 г. русской печатью Литвы было признано, что «не все сразу признали идею независимой Литвы <...> Да и русские не могли с легким сердцем признать совершившийся переворот», но «и те элементы, которые в начале не приняли Литву, начинают менять свои взгляды.<...> Поляки и русские постепенно приходят к заключению, что свободная Литва является серьезным фактором политической жизни Европы, с которым следует считаться» («К единению» 1921).

Благоприятными обстоятельствами для укрепления коренных прав этнических меньшинств в Литве, с одной стороны, стала ориентация правительства страны на распространение демократических ценностей в обществе, с другой – международные обязательства и конституционные положения Литовской Республики. Осуществление различных деклараций и положений на практике было более сложным процессом (отчасти примером тому стал государственный переворот в декабре 1926 г.), поэтому, оценивая юридическую ситуацию русского меньшинства в Литве, следовало бы обратить внимание и на этот фактор. Все же анализ юридических коллизий оставим компетенции историков права (Ruželytė 1993), а в данной статье ограничимся обзором главных юридических документов, оценивая лишь их принципиальную важность в контексте этносоциальных процессов.

Следует подчеркнуть, что на уровне международной политики обязательства в области защиты прав этнических меньшинств стали условием принятия каждой страны в Лигу Наций. Аналогичные обязательства Литвы были зафиксированы в принятой правительством декларации от 12 мая 1922 г. (Потащенко 2001: 46–47). Появление этого документа существенно повлияло и на содержание национальных юридических актов, т. к. права этнических меньшинств отдельными параграфами (§73 и §74)² были оговорены в Конституции Литовской Республики, принятой 1 августа 1922 г. (далее – Конституция).

Результаты анализа прессы того времени свидетельствуют, что члены Демократического союза граждан Литвы русской национальности³ надеялись на более «широкое» регламентирование прав этнических меньшинств, чем это было определено в конечной редакции Конституции. Например, в марте 1922 г. Учредительному Сейму Литвы был представ-

² Содержание параграфов:

«§ 73. Национальные меньшинства граждан, составляющих значительную часть последних, имеют право в пределах законов автономно ведать нуждами своей культуры: народным просвещением, благотворительностью, взаимопомощью, – и для ведения сих дел, в порядке, указанном в законе, выбирают представляющие органы».

«§ 74. Упомянутые в §73 национальные меньшинства имеют право, согласно специальным законам, облагать своих членов налогами на нужды национальной культуры, и пользуются соответственной долей сумм, которые назначаются государством и самоуправлениями на нужды просвещения и благотворительности, если эти нужды не удовлетворяют общие учреждения правительства и самоуправления» («Литовская конституция» 1922).

³ *Демократический союз граждан Литвы русской национальности* – одна из первых русских общественных организации, учрежденных в Литве после Первой мировой войны (в октябре 1920 г.). Своей целью считала заботу о политических, материальных и культурных нуждах русской общины Литвы и пр.

лен проект, в котором (среди прочего) предлагалось: 1) создать «министерство по национальным делам»; 2) признать за членами этнических меньшинств право свободного употребления своего языка в государственных учреждениях (парламенте и муниципалитетах), в публичных собраниях, объявлениях, на вывесках и т. п.; 3) создать возможность представителям меньшинств «свободной подачи во все административные учреждения на своем языке прошений и заявлений с переводом на государственный язык» («Права национальных меньшинств» 1922).

Особенно остро критиковал содержание упомянутых параграфов Конституции сторонник культурной автономии национальных меньшинств А. Тыминский, утверждавший, что их формулировки в конечном варианте вышли «расплывчатыми, растяжимыми, неопределенными, без всяких гарантий в выполнении декларации, которая своевременно была дана правительством Лиге Наций». По его мнению, «принятая редакция не дает выхода культурной автономии меньшинств, так как ставит их в положение частных организаций наряду с официальным, государственным положением национального литовского большинства, несмотря на принятое конституцией равенство всех литовских граждан перед законом» (Тыминский 1922).

Хотя правительство Литвы не приняло во внимание предложений, сделанных Демократическим союзом граждан Литвы русской национальности, следовало бы отметить, что положения параграфов 73 и 74 все-таки стали существенными предпосылками для развития общественной деятельности этнических меньшинств и осуществления их культурной автономии. Однако с другой стороны, возможность пользования своими конституционными правами во многом зависела от инициативы и мотивации членов этнических групп. Лишь в Конституции Литовской Республики 1938 г. не осталось параграфов, декларирующих права национальных меньшинств (Valančius 2001), однако на практике это не значительно отражалось на характере деятельности упомянутых групп, за исключением участия в политической сфере, где их права были постепенно ограничены после государственного переворота 1926 г.

Важным для социальной ситуации русского меньшинства был закон о гражданстве, в редакции от 16 января 1919 г. которого фактически отрицалась возможность получения литовского гражданства для бывших чиновников государственных учреждений Российской империи (Laikinasis įstatymas apie Lietuvos pilietybę 1919). С другой стороны, проблема гражданства была весьма актуальной для многих иммигрантов, не имевших родственных или имущественных связей с Литвой. Следует также упомянуть закон о земельной реформе, принятый правительством страны 3 февраля 1922 г., практическое осуществление которого значительно сказалось на ослаблении позиций русских собственников в аграрном секторе

Литвы. Можно предположить, что самые большие по размерам участки земли потеряли бывшие чиновники, крупные помещики (Зубовы, Нарышкины и др.) и офицеры Российской армии, но отчуждение этой земельной собственности, скорее всего, менее отразилось на их материальном благополучии, чем утрата гораздо меньших участков повлияла на повседневный быт других социальных слоев (прежде всего крестьян-колониистов и их потомков). К сегментам, которые почувствовали тяжелые последствия земельной реформы, следует отнести духовенство Православной Церкви. До Первой мировой войны во многих православных приходах Виленской епархии были созданы своеобразные хозяйственные комплексы (чаще всего за счет отнятия недвижимой собственности Католической Церкви). Их эксплуатирование составляло значительную часть доходов, получаемых священнослужителями. Поэтому потеря подобного рода собственности негативно сказалась на материальном положении многих духовных лиц и членов их семей (подробнее см. Marcinkevičius, Kaubrys 2003; Laukaitytė 2003).

Можно констатировать, что в контексте вышеупомянутых факторов постепенно изменялись черты социального состава русской общины. Отдельные сегменты этого меньшинства по-разному приняли постигшие их перемены, и это предопределило неодинаковость хода и степень их интеграции в общество Литвы. Для проведения более подробного анализа этого явления автору представляется целесообразным обратить внимание на социальный состав русского меньшинства в 1918–1940 гг., а также выделить существенные признаки характера трудовой занятости и факторы удачи/неудачи интеграции русских.

Данные переписи 1923 г. лишь в общих чертах отражают характер социальной занятости этнических групп Литвы, поэтому данный источник позволяет представить весьма обобщенный образ социального состава русского меньшинства. Тот факт, что около 82% русских жили в деревне, а 18% – в городах и местечках, свидетельствует о тенденции преобладания в этой этнической группе слоя земледельцев. Они составляли 78% всех «живших самостоятельно» членов русской общественности. В секторе промышленности работало около 8%, государственной и общественной службы – 3%, транспорта и торговли – по 1%, в «других сферах» – 9%. Во всех упомянутых секторах насчитывалось 33 676 работников, которые в ходе переписи были распределены по трудовому статусу на четыре категории: хозяева – 8 513 (или 28,7%), работающие члены семьи – 16 468 (55,5%), служащие 1 099 (3,7%), рабочие – 7 596 (25,6%) (Lietuvos gyventojai 1923: X, XXXVII; см. также табл. 1).

Оценивая структуру занятости тогдашнего литовского общества, можно отметить, что процентная доля русских в сферах сельского хозяйства, государственной и общественной службы, транспорта, по существу мало

отличалась от аналогичных показателей других этнических меньшинств (кроме евреев, составлявших только 6% всех земледельцев Литвы). Более слабыми позициями социальной занятости русские выделялись в секторе промышленности, где их опережали евреи (22%), немцы (17%) и латыши (9%), а также в сфере торговли, где среди других национальных групп явно доминировали евреи – 30% (см. также диагр. 1).

Сравнивая эти статистические данные с данными переписи населения Российской империи 1897 г., следует обратить внимание на радикальные изменения занятости русских в государственной службе. В конце XIX века в Российской империи все еще существовало сословное общество, в которой выделялись представители политической элиты – чиновники царской администрации, помещики и офицеры высокого ранга. Во время переписи многие из них были причислены к сословию знатных. Например, в 1897 г. только в Ковенской губернии к категории дворян личных и чиновников причислялись 2 563 лица (или 37,5% всех представителей этой категории), а к потомственному дворянству – 4 418 (или соответственно – 4,5%) (Первая всеобщая перепись... 1904: 208–209).

В независимой Литве прерогатива политического лидерства досталась членам титульной нации, поэтому возможности русских (как и представителей других этнических меньшинств) устроиться на государственную службу были весьма ограниченными. Анализ данных статистических источников позволяет подробнее судить только о чертах занятости русских в секторе государственной службы во второй половине 1930-х годов, то есть уже в период авторитарного режима. Служащие русского происхождения работали в системе всех министерств Литовской Республики. Однако их число, особенно в центральном аппарате различных министерств, было незначительно (в некоторых случаях – единицы). Большинство русских служили в правительственных и общественных учреждениях уровня низшего подчинения. Так, в 1934 г. были зафиксированы 404 служащих «русской, белорусской и украинской» категории⁴, которые составляли 1,04% всех работников этих учреждений. С другой стороны, сходными процентными показателями отличались численно большие, чем русские, общины евреев и немцев (соответственно 1,20% и 0,98%). Эти данные отчасти свидетельствуют о том, что ограниченной ролью в государственной службе Литовской Республики довольствовались все этнические меньшинства.

⁴ По данным переписи 1923 г., в Литве проживали только 43 украинца, поэтому вряд ли они составляли значительную часть представителей этой категории. Более значительное число среди этих служащих могло быть белорусов, которых в 1923 г. насчитывалось 4 421 (Lietuvos gyventojai 1923: XXXIV).

Данные статистических источников свидетельствует о том, что больше всего представителей упомянутой «русской, белорусской и украинской» категории работало в учреждениях Министерства сообщения – 156 (в разных дирекциях – путей и строительства, машин, эксплуатации, шоссе и водных путей, а также в Главном почтовом управлении), в системе Министерства просвещения – 65 (в высших и средних учебных заведениях, Государственном театре, Каунасском университете), Министерства сельского хозяйства – 56 (в департаментах лесного хозяйства и землеустройства), Министерства юстиции – 36 (в судах и тюрьмах). В структурах Министерства обороны работали 37 представителей упомянутой категории, из них 8 – в Верховном штабе и Военном интендантстве, 20 – в разных воинских частях и 9 – в военной больнице (Lietuvos statistikos... 1935: 306–307). По утверждению А. Гайгалайте, в армии Литвы служили русские офицеры местного происхождения и эмигранты, среди которых оказалось несколько шпионов, завербованных службами Советской России, однако другие были лояльными профессионалами своего дела (Gaigalaitė 2002: 2). В 1925 г. в вооруженных силах Литвы служили 15 русских офицеров, а в 1934 г. – 8 (Vaišnenonis 2003: 36).

Служба в государственных учреждениях требовала от служащих высокого образования и профессиональности, поэтому должности в этой сфере занятости, как правило, занимали представители русской интеллигенции. Особенно подобными качествами отличались эмигранты последнего потока, оставившие яркий след в развитии культуры и науки Литовской Республики. Белорусский деятель Литвы И. Воронко еще в 1921 г. оценил художественный потенциал эмигрантов и связывал перспективу его применения с традицией Великого княжества Литовского: «Свободное убежище эмигрантам с востока без различия убеждений и национальности – должно быть одной из необходимых черт вольной Литвы <...> Кто знает, быть может, с бегущими приходят к нам вторые Курбские, вторые Федоровы-Печатники. Во имя блага Литвы так и должно быть» (Воронко 1921). В определенном смысле слова личности Л. Карсавина или М. Добужинского действительно представляют собой «курбских» или «федоровых» своей эпохи. Как уже отмечалось, роль русской интеллигенции послереволюционного потока весьма подробно обобщена в литовской историографии, поэтому в контексте данного исследования отдельно не анализируется.

Гораздо меньше отражаются в различных источниках результаты деятельности других социальных групп русского меньшинства. По этой причине изучение и оценка их деятельности остаются проблематичными. Одной из таких «невидимых» групп был русский пролетариат, который в промышленном секторе Литвы существенно не выделялся среди рабочих других национальностей. По данным переписи 1923 г., русские составляли

около 3% всех рабочих. К этому социальному сегменту принадлежали местные уроженцы, а также русские, прибывшие в Литву с эшелонами беженцев из Советской России. Именно последние отличались крайней материальной несостоятельностью («Нужды среди беженцев» 1921).

Сведения, опубликованные в русской печати Литвы, свидетельствуют, что в число русского пролетариата, кроме ремесленников и мастеров, включали также около 500 владельцев и 1 500 рабочих («Русское население в Литве» 1926). Трудно судить о степени их интеграции в общество Литвы, однако представляется, что тяжелое материальное положение представителей этого социального слоя не толкнуло их, например, в объятия Коммунистической партии Литвы (КПЛ), выступавшей за радикальные социальные перемены в стране. По данным Р. Валкаускаса, в 1921 г. секретарь Каунасского райкома КПЛ сообщал Центральному Бюро партии, что 99% эмигрировавших из Советской России в Литву рабочих были черносотенцами, с которыми партия не собиралась сотрудничать (Valkauskas 1992: 49). Проблемами занятости рабочих этой категории ведало учрежденное в Каунасе в 1926 году Объединение русских эмигрантов. Оно владело мастерскими по ремонту и строительству, иногда выделяло ремесленникам пособия для приобретения рабочего инвентаря и т. п. («Десятилетие Объединения русских эмигрантов в Литве» 1936)

Сравнение малочисленных данных о деятельности русских торговцев дает повод предположить, что их влияние в независимой Литве было значительно меньшим, чем в литовских губерниях до Первой мировой войны. Р. Вебра утверждает, что в конце XIX века русские (вместе с белорусскими) торговцы составляли в Ковенской губернии 5% всех представителей этого слоя (Vėbra 1990: 120), но в независимой Литве данный статистический показатель достигал лишь 1% (Lietuvos gyventojai 1923: LX). По всей вероятности, в русской общине доминировали мелкие торговцы, имевшие в своем владении около 90 предприятий («Русское население в Литве» 1926), однако подобные данные слишком фрагментарны. Они, как и сама проблема занятости русских в торговом секторе Литвы, требуют более подробного исследования.

К категории социальных групп, испытавших значительные трансформации в численности и общественном положении, следует отнести православное духовенство. В XIX веке усилиями правительства Российской империи в литовских губерниях был сформирован многочисленный (по сравнению с количеством католического духовенства) слой православных священников, который пользовался разного рода экономическими привилегиями. После Первой мировой войны большинство служителей культа Виленской епархии исчезли на фоне политических гонений в России, а некоторые получили отказ Литовского правительства в разрешении при-

ехать в Литву как политически ненадежные лица (или иначе – сотрудники старого режима). Следует отметить, что в 1920-е годы в Литве не было заведения, готовившего православных священников, поэтому отсутствие кадров правление Литовской епархии компенсировало путем посвящения в сан представителей других социальных групп, чаще всего учителей. Однако среди новопосвященных оказался и бывший генерал армии Российской империи И. Гандурин (Marcinkevičius, Kaubrys 2003: 190–191).

Важнейшими факторами интеграции русских в общество Литвы стало усвоение ими государственного языка, а также уровень их профессиональности и грамотности. В деревне важность этих факторов была относительно меньше, хотя знание (или незнание) литовского языка, скорее всего, влияло на характер отношений между русскими и литовцами, а также на степень интеграции русских в общество страны. В городах знание государственного языка и уровень профессиональности постепенно стали необходимыми качествами для успешной (или соответственно – неуспешной) социальной адаптации и индивидуальной карьеры русских. Больше всех в приобретении этих качеств были заинтересованы интеллигенты и служащие разных государственных заведений, так как им пришлось конкурировать на трудовом рынке страны, и только высокий уровень образования способствовал их успеху. Хрестоматийный пример освоения литовского языка и успешной интеграции – Л. Карсавин. Его жена Лидия в письме от 20 июля 1936 г. дочери Ирине радовалась, что «папа имел на курсах учителей большой успех и лекциями и своим литовским языком «без акцента», так что учителя были очень довольны» (Архив Л. П. Карсавина 2002: 28). Другим примером важности обсуждаемых факторов можно считать реакцию П. Веревкина на его избрание в члены ревизионной комиссии молочного предприятия „Pienocentras“ в 1937 г. В письме М. Веревкиной он не скрывал взволнованности насчет того, что в тайном голосовании его кандидатуру поддержали 40 из 42 членов собрания, несмотря на то, что он не был литовцем и даже не владел литовским языком (Письмо П. Веревкина... 1937).

С другой стороны, из-за недостатка достоверных источников сложно судить, какого уровня знаниями литовского языка отличался статистический член русской общественности на литовской периферии. Например, в литовском официозе изредка чувствовались настроения недовольства русскими, но их все-таки нельзя назвать систематическими. В 1925 г. правительственный орган печати *Lietuva* опубликовал опасение, что в Алитусе «небольшая горсть русских, среди которых немало пришельцев времен Великой войны и эмигрантов, держит в духовном покорении множество литовцев, потому что эти литовцы рабски склоняют свой язык перед русским языком и, таким образом, перед самими русскими»

(Ruseckas 1925). В 1931 г. официоз *Lietuvos aidas* с некоторым возмущением писал о «сохранившейся ячейке русификации» в местечке Кулаутува, где в одном из буфетов официантка русского происхождения отказалась обслужить клиентов литовцев на государственном языке („Rusifikacijos „jašeika“ Kulautuvoj“ 1931).

Профессионализм по существу был тем свойством, которое являлось залогом благоприятных обстоятельств для самореализации русских в различных сферах деятельности, хотя в основном это происходило благодаря индивидуальным усилиям. Например, кинематографист (оператор) Ф. Дунаев стал одним из зачинателей литовской документальной хроники. Располагавший широкими связями в литовском обществе генерал авиации русского происхождения И. Кравцевич в 1929 г., после выхода в запас, стал представителем чехословацкой фирмы «Шкода» в Литве. О его высоком социальном статусе свидетельствовал построенный им дом на одной из престижных улиц Каунаса, вила на курорте Паланга и т. п. (Surgailis 1992: 119)

Следует заметить, что вышеприведенные примеры не отражали средних показателей уровня образованности русских Литвы. Одним из главных факторов неудачи социальной интеграции множества русских был самый низкий среди всех этнических групп страны показатель грамотности. Данные переписи 1923 г. свидетельствуют, что лишь 38,4% русских старше 10 лет были грамотными. Этот показатель был выше среднего только в крупных городах страны (в Каунасе – 69,0%, Шауляй – 64,1%, Паневежисе – 52,4%, Укмерге – 59,5%) и в двух уездах юго-западной Литвы (в Вилкавишском – 68,0%, Мариампольском – 64,4%). Самим низким уровнем грамотности, как правило, отличались русские общины тех уездов, в которых явно преобладали старообрядцы. Так в Рокишском уезде показатель умеющих читать и писать русских достигал лишь 27,0%, а в Зарасайском – 24,0% (подсчитано автором, *Lietuvos gyventojai* 1923: 124–131). Аналогичные показатели большинства других этнических групп страны были почти в два раза выше: латышей – 76,7%, евреев – 70,9%, немцев – 70,0%, литовцев – 67,7%, поляков – 68,5%. Следует отметить, что среди русского населения существовала значительная разница в показателях грамотности мужчин и женщин – соответственно 48,7% и 28,6%. В большинстве остальных групп (кроме белорусов, которые в этом аспекте равнялись с русскими) разрыв между показателями мужчин и женщин не превышал 10% (см. диагр. 2).

Приведенный в данном разделе анализ факторов, влиявших на социальное положение русского меньшинства в 1918–1940 гг., следовало бы трактовать как означение базовых ориентиров для будущих исследований, поскольку идентификация роли русских в интегральной социальной истории Литвы все еще требует более детального анализа со стороны ученых.

Попытка политической консолидации русского меньшинства

Формой попытки политической консолидации русского меньшинства стало участие его членов на выборах в Сейм (парламент), а также в муниципалитеты городов и уездов Литвы. В этой статье автору показалось более целесообразным сосредоточиться на анализе кампании выборов в Сейм, поскольку для успешного участия в них требовалась мобилизация русских избирателей всей Литвы, а не только определенного региона. При анализе попытки политической консолидации русского меньшинства следует обратить внимание на то, что после переворота 1926 г. в Литве больше не проводились всеобщие выборы в Сейм, а система муниципальных выборов в период правления президента А. Сметоны и возглавляемой им национальной партии фактически не соответствовала демократическим принципам и создавала лишь видимость представления общества на периферийном уровне.

Признаки более активной политической деятельности русских проявились сравнительно позднее, чем у других этнических меньшинств Литвы. Хотя русские кандидаты посредством индивидуальных усилий уже в 1918–1919 гг. принимали участие в муниципальных выборах, все же признаки коллективной и координированной политической деятельности стали очевидны в октябре 1920 г., когда был учрежден Демократический союз граждан Литвы русской национальности. Именно эта русская организация принимала участие в трех выборах в Сейм (в 1922, 1923, 1926 гг.).

Однако выборы в Учредительный Сейм Литвы прошли 14–15 апреля 1920 г., поэтому в то время не нашлось организации, взявшей за инициативу политической консолидации русских. Представители других этнических меньшинств составили 8,93% всех членов парламента, среди них были 6 евреев, 3 поляка и 1 немец (Kaubrys 2002: 40). Из-за недостатка источников сложно установить, какова была активность русских избирателей в выборах в Учредительный Сейм и какие политические партии или организации они поддержали больше всего. Русским, в противоположность другим этническим группам, не хватало альтернативы выбора, так как, не имея на выборах своих кандидатов, им пришлось или голосовать за избирательные списки представителей других национальностей, или оставаться пассивными. По существу маловероятно предположение, что русские активно поддержали бы представителей других национальностей, хотя прагматизм некоторых индивидуумов мог влиять на их мотивацию голосовать за социально ориентированные списки (например, домовладельцев, рабочих и пр.). Все же для приведения достоверных оснований на тему подобных предположений требуется более исчерпывающие научные исследования.

В 1922–1926 гг. Демократический союз граждан Литвы русской национальности принял на себя обязательство преодолеть политическую индифферентность русской общественности и мобилизовать ее во время выборов кампаний. Постоянными политическими партнерами упомянутой организации стали деятели белорусского меньшинства, поэтому обычно во время выборов члены обеих этнических групп формировали общий избирательный список. Создание такого списка свидетельствовало о том, что в Литве существовали объединяющие русских и белорусов общественные интересы, поэтому и попытке обсуждаемой консолидации отчасти был свойствен отпечаток славянского единства. Хотя нельзя игнорировать и прагматических причин, поскольку объединение сил политических деятелей этих национальностей означало и расширение круга потенциальных избирателей.

Казалось бы, в программных положениях избирательного списка русских и белорусов должны были отражаться социальные потребности русского меньшинства, но более подробное их определение остается проблематичным в основном по двум причинам – отсутствия агитационного материала и фрагментарного упоминания об этих положениях в средствах массовой информации. Фрагменты избирательных обязательств Демократического союза граждан Литвы русской национальности были опубликованы в русской печати того времени, но проведенный анализ ее публикаций приводит автора к выводу, что печать как средство политического воздействия слабо использовалась в целях представления русских политических положений избирателям и более эффективной мобилизации электората. Поэтому в 1920–1926 гг. в самой солидной ежедневной газете Литвы на русском языке *Эхо* печатались единичные статьи русских кандидатов, но не публиковались систематические агитационные материалы. Нельзя не отметить, что самыми главными проблемами, эффективное решение которых ожидалось от политиков, было расширение сети учебных заведений на русском языке, а также реституция прав физических и юридических лиц на недвижимую собственность. Однако в программных положениях упомянутой русской организации пути решения социальных проблем соотечественников не были подробно изложены. Например, в опубликованном в 1922 г. агитационном материале избирательного списка русских и белорусов содержались лишь обобщенные положения о том, что через представителей в Сейме русское меньшинство получит возможность отстаивать интересы земельных собственников (наверное, кандидаты имели в виду как индивидуальных, так и юридических субъектов), а также будут созданы более благоприятные условия для реализации права «жить, трудиться и добиваться удовлетворения всех своих материальных и духовных нужд» («К выборам в Сейм» 1922).

Агитация русских и белорусских политиков была направлена на строго определенный, а потому и относительно малочисленный электорат. Скорее всего, именно по этой причине в программах преобладали абстрактные, декларирующие национальное сплочение положения, в которых по существу отсутствовала ориентация на интересы отдельных социальных групп. Характерно, что в воззваниях Демократического союза граждан Литвы русской национальности к избирателям поощрялось голосование всех граждан, невзирая на их возраст, образование, род занятий, партийную и религиозную принадлежность и т. п. Материалы апеллировали прежде всего к поощрению активности избирателей, поэтому в них много место уделялось объяснениям процедур и хода выборов. Обилие подобных объяснений превышало часть программных положений, но вместе с тем исполняло и просветительную функцию, тем более, что русским действительно не доставало опыта участия в выборах.

Кандидат Демократического союза граждан Литвы русской национальности В. Боев признал, что программы и лозунги большинства партий в глазах избирателей перевесили факторы личного обаяния и общественного статуса кандидатов. По словам упомянутого автора, списки кандидатов чаще всего формировались по самым «разнообразным, неожиданным и причудливым» признакам (не хватало только списка от «низкорослых блондинов»), но «ни у кого нет простой и ясной программы будущей деятельности в Сейме» (Боев 1923). Подобные размышления В. Боева дают основу для предположения, что программные установки чаще всего не имели существенного значения и для мотивации русских избирателей.

Анализ данных русской печати свидетельствует, что в Демократическом союзе граждан Литвы русской национальности происходили внешние дискуссии по поводу того, какими персональными и профессиональными качествами должен отличаться русский депутат в Сейме. В. Боев, например, этническое происхождение кандидата считал второстепенным фактором, а в качестве более важных критериев компетентности называл уровень профессиональной квалификации и способность работать на благо всех социальных групп государства, т. е. в Сейме «должны быть люди не только глубоко искушенные в вопросах той или иной религии, того или иного ремесла или сельского хозяйства, того или иного положения какой-нибудь национальности, а должны быть собраны люди, способные государственно мыслить, обобщать интересы разных групп и классов населения, люди, способные решать сложные вопросы государственного хозяйства, его политической и экономической жизни, словом люди, имеющие достаточную для того научную подготовку и жизненный опыт» (Боев 1923).

В 1926 г. на съезде Демократического союза граждан Литвы русской национальности большинство участников высказали мнение, что русско-

го депутата должны отличать такие свойства, как хорошее знание государственного языка, высокий уровень образования, а также умение не замкнуться в рамках интересов собственного электората, но участвовать в обсуждении и приеме решений общегосударственных дел («Русский съезд» 1926). Предъявление подобных требований к кандидатам обусловило тот факт, что в выборах Сейма обычно участвовали интеллигенты (хотя на уровне муниципалитетов в списки попали представители разных социальных групп – купцы, рабочие, земледельцы). Например, в 1926 году русско-белорусский избирательный список по профессиям составляли экономист, учитель, кооператор, домовладелец и служащий («О русских списках» 1926).

Характерной чертой избирательной стратегии Демократического союза граждан Литвы русской национальности являлась практика объединения в разные блоки с другими политическими партиями и общественными организациями. Исключительно русский список не был сформирован ни на одних выборах в Сейм. При заключении альянсов с другими политическими силами места русских кандидатов в общих списках зависели от соглашений с партнерами. Так, в 1922 г. места в списке русских и белорусов были поделены между Демократическим союзом, Центральным советом старообрядцев Литвы и Радой селян-белорусов («Русско-белорусский блок» 1922). Формирование подобных политических альянсов теоретически, быть может, и создавало видимость более эффективной мобилизации избирателей, но в борьбе за 1–2 мандата это не повышало шансов быть избранными в парламент даже лиц, числившихся в середине списка. Такая ситуация сложилась в ходе выборов во Второй Сейм (1923 г.), на которых Демократический союз граждан Литвы русской национальности (вместе с белорусами) присоединился к объединенному блоку национальных меньшинств (в него также входили представители евреев и немцев). Внутренние соглашения определили, что в первую десятку списка попал только один русский кандидат – Е. Ерин, а А. Тыминский числился одиннадцатым.

Следует заметить, что числа голосов принявшего участие на выборах в Сейм (1922, 1923 и 1926 гг.) списка русских и белорусов было недостаточно для проведения в парламент хотя бы одного представителя. В большинстве избирательных округов Литвы этому списку удалось собрать около 1–1,5% голосов. Исключение составили город Каунас и Каунасский уезд, а также Зарасайский, Укмергский, Утенский и Рокишкский уезды, где поддержка русских кандидатов была относительно больше из-за многочисленных общин старообрядцев. В ходе кампании 1926 г. русские кандидаты разделились на два отдельных списка, поэтому, как свидетельствуют и статистические данные, произошло распределение голосов, не принесшее ощутимой пользы ни одному списку (подробнее о результатах выборов см. табл. 2).

Наиболее удачными для русских были выборы во Второй Сейм, проходившие 12–13 мая 1923 г. Парадоксально, но этот успех был результатом сотрудничества русских кандидатов с политическими организациями других этнических меньшинств, а не последствием внутренней консолидации. Еще в ходе предвыборной кампании было признано, что участие в выборах самостоятельным списком (русских и белорусов) не оправдалось, поэтому путем сотрудничества с другими меньшинствами представители этого списка пытались эффективнее мобилизовать избирателей и избежать ошибок прошлого: «в прошлые выборы мы шли в одиночку и потому были разбиты. Теперь мы объединились и в этом залог нашего успеха» («К предвыборной кампании» 1923). Блок национальных меньшинств получил 10 мест в парламенте. Предварительные итоги выборов казались особенно благоприятными для русского меньшинства, поскольку в Сейм были избраны два представителя: в Утенском уезде – Е. Ерин, а в Каунасском – А. Тыминский. Однако последний, следуя предвыборным соглашениям блока национальных меньшинств (члену русско-белорусского списка предполагалось 11-е место), был вынужден уступить мандат парламентария в пользу еврейского представителя С. Вольфа. В силу этого обстоятельства в 1923–1926 гг. русское меньшинство имело в Сейме одного представителя – Е. Ерина. По образованию он был экономистом, а в Сейме работал в комиссии по делам сельского хозяйства («Состав сеймовых комиссий» 1923).

Результаты анализа публикаций русской печати свидетельствуют о том, что на проходившем в марте 1926 г. съезде Демократического союза граждан Литвы русской национальности (в нем приняло участие 90 членов: 59 от старообрядцев и 31 – от православных) деятельность Е. Ерина в Сейме Литовской Республики была оценена как неудовлетворительная. В некоторых публикациях утверждалось, что русская молодежь критиковала его за бездействие, а в конечной резолюции съезда его участники выразили сожаление, что работа русского депутата в сферах земельной и церковной собственности, просвещения не дала желаемых результатов («Русский съезд» 1926). Особенно много сомнений возникло по поводу недостаточного знания Е. Ериным государственного языка и уровня его образованности, а русская печать публично клеила ему ярлык «глухонемого» депутата («Сколько будет русских списков?» 1926).

Состояние инертности русского электората, преобладавшее во время всех избирательных кампаний, свидетельствует, что интеллигенции скорее всего не удалось устранить разрыва между собой и остальной частью русской общины и сформулировать объединяющие политические идеи и лозунги. Эта тенденция также свидетельствовала о неиспользованном консолидационном потенциале. По мнению С. Каубриса, сопоставляя соотношение численности конкретной этнической группы и количества ее

представителей в Сейме, выяснилось, что список русских парламентариев меньше, чем у других этнических групп, коррелировал с величиной общины (Kaubrgys 2005: 138).

С другой стороны, обсуждения, какими качествами должен отличаться русский депутат в Сейме, по существу, были объектом дискуссии узкой аудитории. Кроме того, процессу политической консолидации русского меньшинства вредили разногласия между политическими деятелями и недостаток внутреннего единства. Эти факторы обусловили то обстоятельство, что часть кандидатов русского происхождения участвовала в списках представителей других национальностей, политически дезориентируя таким образом своих соотечественников. Например, на выборах в Первый Сейм в Каунасском округе судья К. Прейс и купец, староста Свято-Андреевской церкви Х. Луцин баллотировались (вместе с евреями) в списке домовладельцев («Домовладельческий список» 1922). В ходе предвыборной кампании в Третий Сейм стало особенно заметным внешнее противостояние среди русских политических деятелей, что в итоге способствовало формированию двух отдельных списков – Демократического союза граждан Литвы русской национальности и объединенного списка русских и белорусов («Сколько будет русских списков?» 1926).

Инертность русских избирателей отчасти можно объяснить недостатком гражданских навыков и традиции участия в выборах, но, скорее всего, существовали и дополнительные факторы. Например, в русской печати того времени появились намеки, что степень активности русских зависела от ценностной ориентации разных поколений, т. е. старшее поколение практически не принимало участия в выборах, среднее, хотя и было индифферентно, но голосовало за русских кандидатов, а младшее поколение, хотя и голосовало весьма активно, но не всегда за русских (Михеевич 1926). Этих фактов недостаточно для более аргументированных обобщений, однако можно предположить, что различия в идентификации русских разных поколений с Литовским государством влияли и на их взгляд на миссию политической консолидации. С другой стороны, вопрос, было ли младшее поколение русских заинтересовано в осуществлении этой миссии или в постепенном вхождении в деятельность литовских партий, остается риторическим, поскольку последствия государственного переворота 1926 г. были неблагоприятными для обеих перспектив.

Выводы

Результаты анализа аспектов социальной ситуации русского меньшинства в 1918–1940 гг. следует обобщить в свете действия миграционных, политико-юридических и интеграционных факторов. Миграционные факторы

в основном влияли на тенденцию гетерогенности русской общественности, которая обусловила различия русских мигрантов в отношении их гражданской лояльности и идентификации с Литовским государством, а это, в свою очередь, определило степень и содержание интеграции отдельных сегментов в общество страны. Политические и юридические факторы более всего связаны с трансформациями социального статуса русских, среди которых самая важная – превращение русских в этническое меньшинство в бывшей провинции Российской империи. Кроме того, восстановление государственности Литвы повлекло за собой изменение правового статуса, общественной роли и материального положения русской этнической группы. Хотя конституционные положения создавали предпосылки для развития культурной автономии этнических (национальных) меньшинств, все же недостаток гражданских навыков влиял на возможность русских воспользоваться правами, которые государство признало за этническими меньшинствами. Факторы третьего типа определили ход социальной интеграции русского меньшинства. Из них следует упомянуть степень профессиональности, образование, владение государственным языком, также относительно сложную экономическую ситуацию русских, прежде всего из-за последствий эмиграции. Поэтому интеграция интеллигенции в социальный контекст литовского общества была более эффективной, чем у других социальных групп, которым чаще всего не доставало свойственных гражданскому обществу навыков деятельности, а также материальных ресурсов. Одной из характерных причин неудачи интеграции русских был самый низкий среди всех этнических групп Литвы уровень грамотности.

Попытка политической консолидации как интенции координированной политической деятельности русского меньшинства имела место в парламентский период развития Литовской Республики (1920–1926 гг.). Эту миссию осуществляли политически активные представители интеллигенции. Самым позитивным аспектом их деятельности следует считать стремление вовлечь членов русской общественности в механизм политического процесса, основанного на началах демократии. С другой стороны, идея русского единства была постепенно дискредитирована отсутствием последовательных программных положений и возникшими конфликтами между политиками. Неопределенность ценностной ориентации русских политических деятелей порождала инертность избирателей, а эти факторы вместе предопределили в перспективе неудачу русской политической консолидации. Овладение в ходе трех предвыборных кампаний единственным мандатом парламентария было результатом не столько общественного сплочения русских, сколько сотрудничества с политическими организациями других национальных меньшинств, следовательно, и использованием голосов более широкого электората.

Литература и источники

- Агафонова, В. (1994) «Русская культура в Литве 1920–1940 гг.». In: *Вильнюс*. № 9. С. 151–158.
- Архив Л. П. Карсавина (L. Karsavino archyvas): šeimos paštas, nespausdinti darbai* (2002). Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
- Бергер, П. Л. (1996) *Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива*. Москва: Аспект-Пресс.
- Боев, В. (1923) «Выборы в Сейм и национальные меньшинства». In: *Эхо*. 08.05.1923, № 121.
- Воронко, И. (1921) «Так было и так должно быть». In: *Вольная Литва*. 11.06.1921, № 6.
- «Десятилетие Объединения русских эмигрантов в Литве» (1936). In: *Новые дни*. 11.04.1936, № 7.
- «Домовладельческий список № 8» (1922). In: *Эхо*. 01.10.1922, №. 236.
- Исаков, С. (ред.) (2001) *Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)*. Тарту: Крипта.
- Касаткина, Н. (1997) «Особенности национальной идентификации русской интеллигенции Литвы в межвоенный период». In: Ясинская, Т. (сост.) *Русские Прибалтики: механизм интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс: Русский культурный центр. С. 48–66.
- «К выборам в Сейм» (1922). In: *Эхо*. 28.08.1922, № 203.
- «К единению» (1921). In: *Вольная Литва*. 08.06.1921, № 3.
- Ковтун, А. (ред.) (2001) *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики. Каунас: VDU leidykla.
- Ковтун, А. (2003) «Русский мир Каунаса (Культурное общество в 1918–1940 гг.)». In: *Darbai ir dienos*. Т. 34. Kaunas: Vytauto Didžiojo universiteto leidykla. P. 145–176.
- «К предвыборной кампании» (1923). In: *Эхо*. 08.04.1923, № 92.
- «Литовская конституция» (1922). In: *Эхо*. 19.08.1922, № 194.
- Михеевич, С. (1926) «Письма к русским». In: *Эхо*. 19.06.1926, № 136.
- «Наши задачи» (1920). In: *Эхо*. 26.10.1920, № 1.
- «Нужды среди беженцев» (1921). In: *Эхо*. 29.12 1921, № 303.
- «О русских списках» (1926). In: *Эхо*. 07.04.1926, № 76.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* (1904) Т. 17. Ковенская губерния. Санкт-Петербург.
- Письмо П. В. Веревкина М. Веревкиной* (24.03.1937). Lietuvos Nacionalinės Martyno Mažvydo bibliotekos rankraščių skyrius, f. 19–149, l. 16.
- Поппер, К. (1993) *Нищета историцизма*. Москва: Прогресс.
- Поташенко, Г. (2001) «Русские Литвы в 1918–1940 гг.: государство, Старообрядческая церковь, лояльность староверов». In: Ковтун, А. (ред.) *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики. Каунас: VDU leidykla. С. 32–47.
- Поташенко, Г. (2003) «Русские староверы Польши и Литвы в 1920–1930-х гг. (по материалам старообрядческой печати)». In: Лавриненц, П. (сост.) *Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Т. 7. Вильнюс: Žvaigždžių miestas. С. 60–84.
- «Права национальных меньшинств» (1922). In: *Эхо*. 29.03.1922, № 75.
- Раев, М. (1994) *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939*. Москва: Прогресс-Академия.
- «Русская жизнь» (1926). In: *Эхо*. 13.03.1926, № 58.

- «Русский съезд» (1926). In: *Эхо*. 12.03.1926, № 57.
- «Русско-белорусский блок» (1922). In: *Эхо*. 27.08.1922, № 202.
- «Русское население в Литве» (1926). In: *Эхо*. 29.08.1926, № 197.
- Серапинас, В. *Православная Церковь в Литве в межвоенный период, 1918–1939*. Доступно в Интернете: <<http://www.orthodoxy.lt/index.php/where.history>> (22.09.2006).
- «Сколько будет русских списков?» (1926). In: *Эхо*. 30.03.1926, № 72.
- «Состав сеймовых комиссий» (1923). In: *Эхо*. 11.06.1923, № 153.
- Тыминский, А. (1922) «По тому же вопросу». In: *Эхо Литвы*. 16.08.1922, № 60.
- Тыминский, А. (1931) «Русская общественная жизнь в Литве». In: *Русский календарь на 1932 год*. Каунас.
- Фейгмане, Т. (2000) *Русские в довоенной Латвии: на пути к интеграции*. Рига: Балтийский русский институт.
- Шлевис, Г. (2003) *Православные святыни Вильнюса: страницы истории*. Вильнюс: Свято-Духов монастырь [SAVO].
- Шлевис Г. (2006) *Православные храмы Литвы: страницы истории*. Вильнюс: Свято-Духов монастырь [SAVO].
- Ясинская, Т. (сост.) (1997) *Русские Прибалтики: механизм интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс: Русский культурный центр.
- Bumblauskas, A. (2006) „Lietuvos istorijos periodizacijos modeliai socialinės istorijos požiūriu“. In: *Lietuvos istorijos studijos*. Nr. 17. P. 9–26.
- Gaigalaitė, A. (2002) *Lietuvos kariuomenės karininkai 1918–1940 metais*. Доступно в Интернете: <<http://ausis.gf.vu.lt/mg/nr/2002/09/09kar.html>> (28.07.2006).
- Kasatkina, N. (1996) „Rusai Lietuvos valstybėje: etninio identiteto istorinė perspektyva“. In: Grigas, R. (sud.) *Paribio Lietuva: Sociologinė Paribio gyventojų integravimosi į Lietuvos valstybę apybraiža*. Vilnius: Lietuvos filosofijos ir sociologijos institutas.
- Kasatkina, N. (2001) „Biografinio metodo taikymo galimybės Pirmosios Lietuvos Respublikos rusų inteligentijos tyrime“. In: Ковтун, А. (ред.) *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики. Каунас: VDU leidykla. С. 7–22.
- Kaubrys, S. (2002) *National Minorities in Lithuania: An Outline*. Vilnius: Vaga.
- Kaubrys, S. (2005) „Tautinių mažumų dalyvavimas rinkimuose į Lietuvos Respublikos Seimą 1920–1926 m.: kiekybinių charakteristikų projekcija“. In: *Parlamento studijos*. Т. 4. Vilnius: Baltijos kopija. P. 125–142.
- „Laikinasis įstatymas apie Lietuvos pilietybę“ (1919). In: *Laikinosios vyriausybės žinios*. 1919.01.16, Nr. 2–3.
- Laukaitytė, R. (2003) *Staciatikių Bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje*. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla.
- Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys* ([s. n.], 1923). Kaunas.
- Lietuvos statistikos metraštis 1924–1926 m.* (1927) Т. 1. Kaunas.
- Lietuvos statistikos metraštis 1934 m.* (1935) Т. 7. Kaunas.
- Marcinkevičius, A.; Kaubrys, S. (2003) *Lietuvos Staciatikių Bažnyčia 1918–1939 m.* Vilnius: Vaga.
- Norkus, Z. (1996) *Istorika*. Vilnius: Taura.
- Potašenko, G. (red.) (2001) *Lietuvos tautinės mažumos: kultūros paveldas*. Vilnius: Kronta.
- Ruseckas, P. (1925) „Iš Alytaus ir jo padangės“. In: *Lietuva*. 1925.09.04, Nr. 197.
- „Rusifikacijos „jačeika“ Kulautuvoj“ (1931). In: *Lietuvos aidas*. 1931.06.02, Nr. 121.
- Ruželytė, O. (1993) „Tautinių mažumų teisės Lietuvos Respublikoje“. In: Garšva, K.; Grumadienė, L. (sud.) *Lietuvos Rytai*. P. 299–313.

- Surgailis, G. (1992) *Lietuvos kariuomenės vadai*. Vilnius: Mintis.
- Vaičėnonis, J. (2003) *Lietuvos kariuomenė valstybės politinio gyvenimo verpetuose (1927–1940)*. Vilnius: Versus aureus.
- Vaitėkūnas, S. (2006) *Lietuvos gyventojai: per du tūkstantmečius*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Valančius, K. L. (2001) *Lietuvos valstybės konstitucijos (2-asis patais. ir papild. leid.)*. Vilnius: UAB Ekonomikos mokymo centras.
- Valkauskas, R. (1992) „Lietuvos tautinės mažumos LKP politikoje 1919–1926 m.“ In: *Lietuvos istorijos studijos*. Nr. 1. P. 36–55.
- Vėbra, R. (1990) *Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje: socialinės struktūros bruožai*. Vilnius: Mokslas

Приложение

Таблица 1. Русские по сферам социальной занятости (1923 г.)

Сферы занятости	Хозяева		Работающие члены семьи		Служащие		Рабочие		Всего
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Сельское хозяйство	5471	972	4706	10772	15	1	2429	2070	26436
Промышленность	465	48	229	227	25	7	1254	280	2535
Транспорт и сообщение	23	0	4	0	94	20	192	21	354
Торговля	66	27	4	17	54	18	66	19	271
Государственная и общественная служба	95	39	0	0	741	118	63	21	1077
Другие ресурсы проживания	65	1242	22	487	5	1	527	654	3003
Всего	6185	2328	4965	11503	934	165	4531	3065	33676
Всего (%)	72,65	27,35	30,15	69,85	84,99	15,01	59,65	40,35	100,00
Всего мужчин и женщин	8513	16468	1099	7596	33676				

Примечание. Во время переписи 1923 г. в эту статистику попали «самостоятельно живущие». «Несамостоятельно живущих» в Литве насчитывалось 16757 лиц, а живущих за счет неопределенных ресурсов – 27.

Источник: *Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys*. P. 295.

Таблица 2. Количество голосов, набранное русско-белорусским списком, блоком объединенных меньшинств и списком Демократического союза граждан Литвы русской национальности на выборах в Сейм (1922, 1923, 1926 гг.)

Список	I Сейм (1922)		II Сейм (1923)		Объединенных меньшинств		Русско-белорусский		III Сейм (1926)		Демократич. союза	
	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%	Число голосов	%
I ОКРУГ												
Алитусский у.	-	-	-	-	4181	8,79	-	-	68	0,14		
Мариямпольский у.	-	-	-	-	4930	10,83	-	-	26	0,06		
Сейнский у.	-	-	-	-	1416	8,15	-	-	110	0,59		
Всего	-	-	-	-	10527	9,53	-	-	204	0,19		
II ОКРУГ												
г. Каунас	707	2,09	-	-	11224	29,01	263	0,61	300	0,69		
Каунасский у.	1002	2,59	-	-	5463	11,57	886	1,80	152	0,31		
Шакяйский у.	38	0,13	-	-	3361	10,31	17	0,05	29	0,09		
Тракайский у.	645	2,15	-	-	2692	8,67	324	0,99	60	0,18		
Вилькавишкский у.	210	0,63	-	-	8050	21,71	25	0,07	52	0,14		
Всего	2602	1,57	-	-	30790	16,50	1515	0,77	593	0,30		
III ОКРУГ												
Келайнский у.	380	1,11	-	-	3126	8,56	209	0,54	62	0,16		
Расейнский у.	468	1,04	-	-	5724	11,72	300	0,57	116	0,22		
Тауратский у.	270	0,62	-	-	5272	10,77	139	0,25	43	0,08		
Всего	1118	0,91	-	-	14122	10,52	648	0,44	221	0,15		
IV ОКРУГ												
Кретингский у.	116	0,29	38	0,09	3253	7,74	65	0,14	-	-		
Мажейский у.	374	1,27	24	0,08	2534	7,95	397	1,10	-	-		
Тельшайский у.	462	1,34	44	0,12	3677	9,80	496	1,23	-	-		
Всего	952	0,92	106	0,10	9464	8,49	958	0,78	-	-		

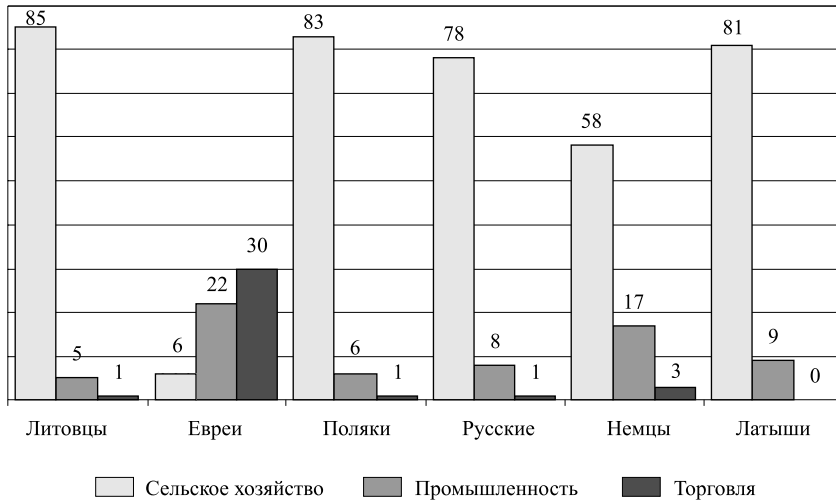
ПРОДОЛЖЕНИЕ ТАБЛИЦЫ 2

Список	I Сейм (1922)		II Сейм (1923)		III Сейм (1926)		Демократич. союза	
	Русско-белорусский Число голосов	%	Русско-белорусский Число голосов	%	Русско-белорусский Число голосов	%	Число голосов	%
V ОКРУГ								
Биржайский у.	274	0,58	-	-	2661	5,18	22	0,05
г. Паневежис	161	2,04	-	-	3238	33,01	578	0,92
Паневежский у.	634	1,22	-	-	3773	6,69	137	1,36
г. Шяуляй	48	0,61	-	-	2587	24,55	127	1,18
Шяуляйский у.	1344	1,85	-	-	5728	7,24	1336	1,55
Всего	2461	1,31	-	-	17987	8,68	2200	1,03
VI ОКРУГ								
Рокишкский у.	837	2,65	-	-	3491	9,82	358	0,95
Утенский у.	1046	2,59	-	-	5288	11,26	782	1,51
Укмергский у.	541	1,27	-	-	2090	4,68	492	0,97
г. Укмерге	207	4,15	-	-	2123	39,29	101	1,89
Зарасайский у.	1525	9,94	-	-	3497	18,44	968	4,73
Всего	4156	3,08	-	-	16489	10,90	2701	1,62
Всего в Литве	11289	1,39	106	0,01	99379	11,03	8022	0,79

Источники: Lietuvos statistikos... 1927. P. 73, 79, 82-83, 87.

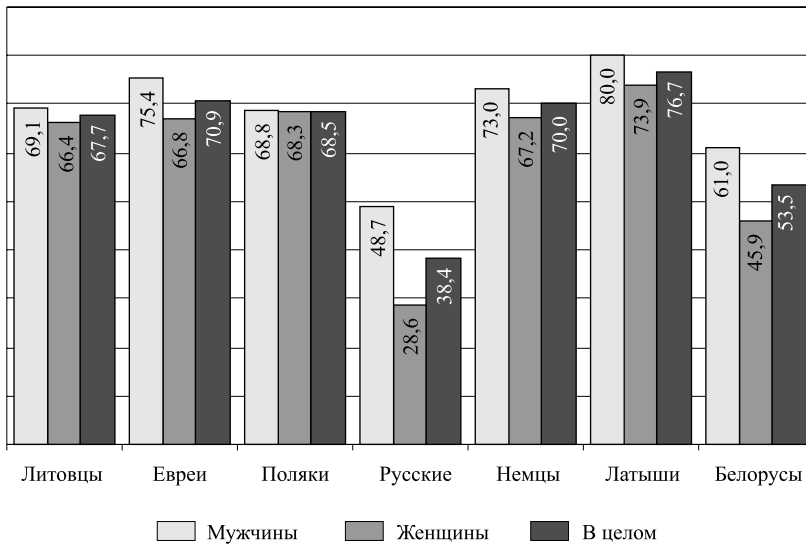
Примечание. Используемые сокращения: г. – город, у. – уезд.

ДИАГРАММА 1. Этнические группы Литвы по занятости в сельском хозяйстве, промышленности и торговле в 1923 г. (%)

Источник: Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys. P. LX.

ДИАГРАММА 2. Этнические группы Литвы по уровню грамотности в 1923 г. (%)

Источник: Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys. P. L.

Rusų mažumos socialinės padėties Lietuvos Respublikoje (1918–1940) aspektai

A. Marcinkevičius

SOCIALINIŲ TYRIMŲ INSTITUTAS, LIETUVA

SANTRAUKA. Straipsnyje siekiama aktualizuoti rusų etninės mažumos Lietuvoje 1918–1940 m. socialinės raidos problematiką. Pastarasis siekis paremtas prielaida, jog daugumoje po 1990 m. pasirodžiusių publikacijų apsiribojama rusų elito sluoksnio (inteligentijos) vaidmens aptariamo laikotarpio Lietuvos visuomenėje išryškinimu. Šiame tyrime rusų mažuma Lietuvoje pirmiausia objektyvizuojama kaip įvairių socialinių segmentų konstruktas, kuriame kiekvienam segmentui buvo būdingas apibrėžtas socialinis vaidmuo. Kita vertus, taip pat nagrinėjami veiksniai, lėmę rusų, kaip įvairių socialinių grupių visumos, integraciją į Lietuvos visuomenės kontekstą. Minėtų veiksnių analizės duomenys leistų autoriui formuluoti prielaidą, kad rusų visuomeninės padėties ir socialinio statuso pokyčiai po Pirmojo pasaulinio karo buvo radikalesni negu kitų valstybės etninių grupių. Pažymėtina, kad rusų socialinės integracijos Lietuvos visuomenėje sėkmė tyrime vertinama profesinio pasirengimo, išsilavinimo, raštingumo ir materialinės gerovės kriterijais. Antrame skyriuje išsamiau nagrinėjamas rusų politinės konsolidacijos bandymas rinkimuose į Lietuvos Respublikos Seimą 1922, 1923 ir 1926 m. Konstatuojama, jog iš esmės rusų bendruomenės politinio solidarumo idėja buvo diskredituota. Taip atsitiko dėl dviejų pagrindinių priežasčių: rusų politikos veikėjų vertybinių išteklių stygiaus ir rusų rinkėjų inertiškumo nuostatos.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: RUSŲ ETNINĖ MAŽUMA, SOCIALINĖ INTEGRACIJA, STATUSAS, POLITINĖ KONSOLIDACIJA.

Some Aspects of the Social Situation of the Russian Minority in the Republic of Lithuania (1918–1940)

Andrius Marcinkevičius

INSTITUTE FOR SOCIAL RESEARCH, LITHUANIA

SUMMARY. This article aims to present the main problems of social development of the Russian ethnic minority in Lithuania (1918–1940). The relevance of such an intention is based on the assumption that most publications that have been published since the re-establishment of the Lithuanian state in 1990 analyses the social role of the Russian elite (intelligentsia) during the interwar period, but does not include other segments of the Russian minority. Consequently, the author interpreted the Russian community in Lithuania (1918–1940) as a construct consisting of various social segments. Furthermore, the article also analyses factors that have significantly influenced the integration of Russians into the context of Lithuanian society. It is concluded that the public situation and social status of the Russian minority after the First World War depended on changes that were not actually as thoroughgoing for other ethnic groups. The success/failure of social integration of the Russian minority was largely caused by such factors as professional skills, education, and level of hardship. The second part of this article assesses the peculiarities of Russian political consolidation during the elections of the parliament (Seimas) of the Republic of Lithuania in 1922, 1923 and 1926. While these political events were taking place, the idea of political solidarity within the Russian minority was largely discredited. This happened for two main reasons: the lack of political and civic values among Russian politicians and political inertness of Russian voters.

KEY WORDS: RUSSIAN ETHNIC MINORITY, SOCIAL INTEGRATION, STATUS, POLITICAL CONSOLIDATION.